

Первая пара подходила к концу. Заметив, что все усердно корпят над тестами и не обращают внимания на соседей, Лу Гуйлань воспользовался моментом. Он наклонился к самому уху Цзян Мяо и прошептал:

— На перемене заполни пустое место на стенгазете.

Сказав это, он тут же отстранился и вернулся к выполнению второго листа заданий.

Цзян Мяо замер, чувствуя, как ухо все еще жжет от горячего дыхания. Придя в себя, он потер мочку — нежная кожа покраснела, что тут же скрыли упавшие каштановые пряди волос.

На душе у Цзян Мяо было беспокойно. Почему Лу Гуйлань попросил его об этом?

То, что напишет Лу Гуйлань, может и уцелеет, но если это сделает он, те люди снова все сотрут.

Цзян Мяо одновременно опасался Лу Гуйлани и в то же время подсознательно доверял ему.

Прозвенел звонок. Цзян Мяо встал, подошел к доске, взял мел и принялся заново писать текст там, где его стерли.

Обычно он писал аккуратным печатным шрифтом, но сейчас, из-за смутения и досады, рука сама вывела строки каллиграфическим почерком синшу. До конца второй пары он успел все закончить и вернулся на свое место.

— Держи, — Лу Гуйлань протянул ему из-под парты упаковку влажных салфеток.

Цзян Мяо взял их, стер с пальцев меловую пыль и вернул салфетки обратно.

В их действиях не было ничего особенного, но Цзян Мяо вдруг ощутил странную приятную теплоту, словно у них с Лу Гуйланем появилась общая тайна, понятная только им двоим.

На большой перемене Лу Гуйлань демонстративно положил на парту телефон, замаскированный под учебные материалы, направив камеру прямо на заднюю стену с доской.

Сначала Цзян Мяо удивился, но не сразу понял, в чем подвох. Однако, когда они уже подходили к спортплощадке, он внезапно остановился, дернул Лу Гуйлани за рукав школьной формы и, широко распахнув свои чарующие глаза, удивленно спросил:

— Ты вот так просто оставил телефон на парте?

Лу Гуйлань, потративший все утро на рукоделие, был абсолютно уверен в своем мастерстве:

— Не волнуйся, у них не такое уж хорошее зрение.

Это был уже второй раз, когда Лу Гуйлань просил его не волноваться.

Когда после зарядки они вернулись в класс, надписи на доске, как и ожидалось, исчезли.

Сзади раздались голоса:

— Что за дела? Разве не знают, что на перемене проверяют стенгазеты? Из-за этого пустого места нам баллы снимут!

— Не ори так громко. Это Цзян Мяо рисовал, иди и предъявляй претензии ему.

— А, так это он начудил? Сразу было ясно, что кроме него никто так не подставит наш класс.

— Когда учитель просил его рисовать, он еще ломался. Если не хотел — отказался бы, зачем соглашаться, а потом халтурить?

— Цзян Мяо только на такое и способен, да?

Сзади начали язвительно обсуждать Цзян Мяо, делая вид, будто никто из них не видел, как он писал на доске в перерыве между уроками.

Лу Гуйлань злился, слушая это, а Цзян Мяо сидел с холодным, отстраненным видом, словно ничего не слышал.

Однако Лу Гуйлань заметил, как слегка дрожит его левая рука, лежащая на коленях.

Классный руководитель пришел только на вечернюю самоподготовку. Староста по литературе принес стопку собранных работ. Учитель пролистал их, взглянул на заднюю стену и просиял:

— Стенгазета вышла отличная! Цзян Мяо, я не ошибся, выбрав тебя. Рисуешь ты действительно хорошо, в этот раз наш класс точно займет призовое место на школьном конкурсе.

Кто-то уже успел дописать недостающие части на доске. Текст был хорош, пустые места заполнены, и учитель не заметил ничего подозрительного.

Сюй Мо подняла руку, вышла к доске и тихо сказала:

— Учитель Лю, боюсь, в этот раз мы не получим награду.

Классный руководитель удивился:

— Почему? Цзян Мяо ведь все хорошо оформил.

Сюй Мо смущенно ответила:

— Все хорошо, но он не успел закончить, и статью внизу Хэ Чжань писал только вечером.

Она в подробностях рассказала учителю, что произошло:

— Столько ребят в классе могли помочь, но он никого не подпустил, сказал, что сам справится. Эх, Цзян Мяо, наверное, просто перфекционист. — Она даже изобразила сочувствие, пытаясь оправдать его.

Лу Гуйлань написал записку и передал Цзян Мяо:

— Я знаю, как Сюй Мо наябедничала, учитель только что взглянул на нее.

Цзян Мяо прочитал, скомкал бумажку в кулаке, и сердце его забило в панике.

Если учитель спросит, должен ли он поднять голову и признать вину или промолчать?

Все доказательства были у Лу Гуйланя. Цзян Мяо не был уверен, поможет ли тот на самом деле или лишь делает вид, а потом, когда учитель потребует объяснений, притворится, что ничего не знает, и спрячет улики?

Может, не стоило так быстро доверять Лу Гуйланю.

Лу Гуйлань не знал, о чем думает Цзян Мяо, да и не придавал этому значения. В прошлой жизни он был взрослым человеком с куда более зрелым мышлением. Даже двадцатилетние люди, если их постоянно обманывают, становятся мнительными, а Цзян Мяо всего восемнадцать — его недоверие вполне естественно.

Он также не знал, когда вернется Система 666, и у него пока не было возможности доказать, что он искренне хочет стать ему другом.

— Не переживай, — прилетела еще одна записка от Лу Гуйланя.

Глядя на эти два слова, продавленные на бумаге, Цзян Мяо постепенно успокоился.

Все случилось слишком быстро. Лу Гуйлань только начал сближаться с ним, и если бы он был на стороне Сюй Мо, его цели были бы куда проще.

Сюй Мо вернулась на свое место, глядя прямо перед собой.

Классный руководитель начал проверять тесты. Первая часть самоподготовки закончилась, он раздал проверенные работы. Похоже, он не придавал значения ситуации со стенгазетой и не собирался устраивать допрос.

Лу Гуйлань понимал: если учитель не спросит, у Цзян Мяо не будет шанса объясниться. Учитель может поверить словам Сюй Мо.

Как же разрулить эту ситуацию?

Лу Гуйлань постучал розовыми кончиками пальцев по парте.

В школе Нинчэн действовал строгий пансион: все студенты обязаны были жить в общежитии. Раз в месяц давали выходные, и они могли решать — поехать домой или остаться. По субботам и воскресеньям занятия шли своим чередом.

После инцидента со стенгазетой группа Сюй Мо начала травить Цзян Мяо молчанием. Они больше не смотрели в его сторону, даже колкости прекратились — они просто делали вид, что его не существует.

С Цзян Мяо все было наоборот: Лу Гуйлань стал объектом всеобщего обожания. Стоило Цзян Мяо оказаться рядом, как Лу Гуйланя тут же окружала толпа, и даже в туалет он ходил в сопровождении свиты.

Аромат персиковых феромонов в состоянии стресса становился все гуще, и взгляды

окружающих становились все более безумными — настоящий порочный круг.

А сам Лу Гуйлань, чувствуя собственный запах, не имел об этом ни малейшего понятия.

После нескольких таких случаев он смертельно устал и перестал даже выходить в туалет, стремясь только к спокойствию рядом с Цзян Мяо.

Во вторник наступило время еженедельного классного часа.

Поскольку учебный год только начался, переходящий красный флаг за успехи класса еще не вручали, и сегодня был первый раз.

После звонка из динамика над доской раздался строгий голос завуча:

— По итогам этой недели переходящий красный флаг среди первых классов получают...

— Среди вторых классов: 1-й, 2-й и 6-й классы.

Третьего класса в списке не было.

В кабинете воцарилась тишина. Все взгляды одновременно обратились к Цзян Мяо.

В прошлом семестре переходящий флаг всегда делили между собой три профильных класса — 1-й, 2-й и 3-й. Третий класс впервые потерял почетную награду.

Если бы не баллы, снятые за стенгазету, флаг достался бы шестому классу, и все винили в этом Цзян Мяо.

Цзян Мяо опустил глаза, не решаясь встретиться с взглядом классного руководителя — он боялся увидеть там упрек.

Увидев реакцию учеников, учитель, обычно мягкий и доброжелательный, внезапно стал серьезным.

— Ребята, я знаю, что все расстроены из-за отсутствия награды. Но выбор лучшего класса — это результат усилий всего коллектива, нельзя возлагать ответственность на одного человека.

Учитель сошел с кафедры, подошел к Цзян Мяо и безмолвно похлопал его по плечу в знак утешения.

— В прошлый раз Сюй Мо сказала, что стенгазета не была закончена вовремя, и это стоило нам баллов. Но у меня возник вопрос: когда Цзян Мяо доверили это дело, вы все хором обещали помочь. Кто-нибудь из вас действительно помог?

— Доска была такой пустой, вы не могли этого не заметить. Кто-нибудь подошел? Кто-нибудь спросил? Благополучие класса — ответственность каждого. Цзян Мяо взял на себя больше остальных, это не значит, что он должен получать больше упреков.

— Ваши взгляды говорят мне, что вы вините его. Но я предлагаю взглянуть на ситуацию иначе.

— Максимальный балл — сто, стенгазета дает тридцать. Мы получили двадцать. Эти двадцать баллов Цзян Мяо заработал для нашего класса. Разве это не повод для гордости?

Сюй Мо с каменным лицом слушала учителя, а когда тот отвел взгляд, злобно зыркнула на Цзян Мяо. Лу Гуйлань готов был поспорить, что такой исход она не предусматривала.

Учитель сумел встать на сторону Цзян Мяо, и именно поэтому интрига Сюй Мо провалилась.

Лу Гуйлань задумался о причинах самоубийства Цзян Мяо. Возможно, дело было не только в депрессии.

Для Цзян Мяо учитель был духовной опорой. Он считал свои успехи единственным, на что может рассчитывать педагог, и когда провалил экзамены, крайнее чувство вины и страх сломили его.

Ресницы Цзян Мяо безвольно дрожали, и слезинка сорвалась с глаза, упав на тетрадь.

Сердце Лу Гуйланя пронзила острая боль, словно от укола иглой.

Классный час превратился в сеанс психологической поддержки. Учитель наставлял их весь урок, и как только прозвенел звонок и он вышел, ученики, только что изображавшие согласие, тут же начали ворчать:

— Учитель Лю такой предвзятый. Только потому, что Цзян Мяо хорошо учится и популярен, он его выгораживает. Очевидно же, что это Цзян Мяо накосячил, а его еще и героем выставили. Смешно.

— Учителя все такие. Пока оценки Цзян Мяо не упадут, учитель Лю всегда найдет оправдание. Смиритесь.

...

Лу Гуйлань, закипая от гнева, встал и похлопал Цзян Мяо по плечу:

— Пойдем.

Цзян Мяо подвинулся, давая ему пройти, поднял голову, увидел, что у того в руках, и поспешно ухватил его за край одежды:

— Лу Гуйлань, ты куда?

<http://bllate.org/book/20369/2037666>